

С. С. Комиссаренко³

К ПРОБЛЕМЕ НРАВСТВЕННОГО НАРРАТИВА ЦЕННОСТНЫХ ОБЪЕКТОВ СОВРЕМЕННОГО МИРА

Современный мир сегодня подвержен всеохватывающему политическому, экономическому, социальному, культурному и нравственно-этическому кризису. Его проявлениями выступают не только политические, экономические и социальные необратимые изменения, но и тектонические смещения в понятии моральных норм. Сегодня размываются смыслообразующие дефиниции морали и права как в отношениях между стра-

нами, государствами и народами, так и в межличностных взаимоотношениях людей, где ментально-мировоззренческие противоречия во взглядах, убеждениях, представлениях приводят к их глубокому разъединению. Мир переживает невиданные трансформации механизмов его переустройства, что ведет к слому прежних регуляторов сосуществования. Следствием этого является состояние аномии, когда старые парадигмы мироустройства не работают, а новые еще не сформировались. Наиболее всего аномия проявляется в ценностном поле существования, где ценности утрачивают свое первоначальное значение и все более получают различные нарративы.

Основу ценностей составляют ценностные объекты в виде неких идей и идеалов, которые являются значимыми для наций, отдельных стран, групп людей и для каждого отдельного человека. Философ и культуролог М. С. Каган пишет о том, что «понятие „ценность“ обозначает отношения между человеком и „объектом“ <...> только при таком подходе становятся возможны постижение и объяснение *диалектики абсолютного*

¹ Козьякова М. И. Русский мир: фундаментальные проблемы современности // Русский мир: динамика научного познания. 2019. С. 129–130.

² Там же. С. 130.

³ Профессор кафедры социально-культурных технологий СПбГУП, доктор культурологии, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор более 80 научных публикаций, в т. ч. монографий и учебных пособий: «Формирование личности: концепции, институты, технологии», «Культурные традиции русского общества», «Пушкин в культурном мире русского дворянства», «Национальный вопрос в современной России как культурная дилемма», «Российский этос: социально-культурный дискурс», «Социальный диалог в коммуникативной среде российского общества», «Субкультуры России: социально-исторические аспекты», «Основы социально-культурного менеджмента», «Теория и история социально-культурной деятельности» и др.

и относительно в реальной истории аксиосферы»¹. При этом М. С. Каган отмечает, что «ценностное отношение, рассматриваемое со стороны субъекта, реализуется двояко — как *отнесение к ценности* оцениваемого объекта и как его осмысление <...> оценка данного объекта становится *отнесением к ценности*... непосредственно эмоционально, а затем может в той или иной мере осознаваться и вербализоваться...»² Также ученый отмечает, что «ценностное отношение» предполагает «необходимость осмысления оцениваемого, т. е. выявления и понимания того конкретного смысла, которое данный объект имеет для себя как субъекта»³. Следовательно, ценностные объекты имеют тот или иной смысл, который им придает субъект.

Таким образом, ценностное поле не просто включает ориентации на те или иные ценностные объекты, но и характеризует их в зависимости от определенно-го нарратива тем или иным субъектом. Именно нарратив становится сегодня объектом повышенного внимания и ядром разъединения в смыслообразующих понятиях ценностей. Не сущность ценностных объектов как таковых, не их содержательность, а именно интерпретация того или иного объекта играет все большую роль в современном мире. Нарратив становится не просто определителем значимости ценностного объекта, но инструментом его формирования. С помощью нарратива можно придать значимость любому ценностному объекту или, наоборот, развенчать его. Нарративная концепция связана с подменой смыслов, их переакцентировкой и специфической рефлексией восприятия.

Исследователь нарратива Е. С. Худякова пишет, что «нарративы обеспечивают контекст для восприятия отдельных событий»⁴. Основываясь на теоретических исследованиях нарратива учеными У. Лабовым и Дж. Валетски, она выделяет две функции нарратива — референциальную и ценностную. Референциальная функция нарратива стимулирует социальное окружение человека, обеспечивая его жизнь в коллективе. Для любого коллектива необходим тот нарратив, который сближает и облегчает жизнь человека в нем, выполняя тем самым функцию идентичности. В свою очередь ценностная функция «включает 5 базовых блоков, выделяемых на основании синтаксических и семантических признаков: ориентацию (*orientation*) — группу свободных высказываний, в которой дается характеристика лица, места, времени и поведенческой ситуации; усложнение (*complication*) — группу нарративных высказываний о сериях событий; развитие (или оценку) (*evaluation*) — точку максимального напряжения; разрешение (или завершение) (*resolution*) — где происходит завершение ситуации; коду (*coda*) — „функциональное приспособление для перевода вербальной перспективы в настоящее время“»⁵.

¹ Каган М. С. Философская теория ценности. СПб. : Петрополис, 1997. С. 50.

² Там же. С. 52.

³ Там же.

⁴ Худякова Е. С. Нарратив и идентичность: от детства до старости : монография. Пермь : Пермский гос. нац. исслед. ун-т, 2019. С. 14.

⁵ Там же.

Одним из первых ученых, кто внес нравственный нарратив в оценку ценностных объектов, был немецкий философ Ф. Ницше. Ценностные бинарные объекты, такие как «добро» и «зло», «хорошее» и «плохое», исследовались ученым в контексте существующей морали конца XIX столетия. Ф. Ницше призывает к постановке самой «проблемы морали» и ее «переоценке». Философ трактовал традиционную христианскую мораль европейской цивилизации как изжившую себя и не имеющую перспективы в будущем форму ценностного бытия человека. «Ценность этих „ценностей“ принимали за данность, за факт, за нечто проблематически неприкосновенное: до сих пор ни капельки не сомневались и не колебались в том, чтобы оценивать „доброе“ по более высоким ставкам, чем „злого“, более высоким в смысле всего содействующего, полезного, плодотворного с точки зрения человека вообще (включая и будущее человека)»⁶.

Именно человек становится для Ф. Ницше полем борьбы ценностей, воплощенных в «морали рабов» и «морали господ». «Мораль рабов», связанная с западноевропейскими моделями жизни, в основе которых лежат христианские ценности *сострадания*, *сочувствия* и *сопереживания*, ставится философом под вопрос. Данные христианские ценности истолковываются ученым как «принижение» самого человека, который становится слабым и беззащитным не только перед миром, но и перед самим собой. В свою очередь «утилитарная мораль рабов» противопоставляется Ф. Ницше «морали господ», которая связывается с аристократическим духом человека, его волей и способностью быть индивидуальностью. «Мораль господ» налагает на человека большие обязательства в виде его ответственности не только за себя, но и за свое будущее.

Нравственный нарратив ницшеанской морали пронизан не только переоценкой бинарных ценностей, таких как «добро» и «зло», «плохое» и «хорошее», «низменное» и «благородное», но и тезисом о том, что необходимо «одержать победу над моралью», отказавшись от общепринятых «ценностных благ», навязанных человеку «императивом стадного страха». Его преодоление будет способствовать тому, «чтобы дать толчок к обратным оценкам, к переоцениванию „вечных ценностей“, на предтечей и людей будущего, завязывающих в настоящем узел, который на целые тысячелетия толкнет волю человека на новые пути»⁷.

Нравственный нарратив ценностных объектов, с одной стороны, формируется естественным путем через освоение культурно-исторического опыта той или иной нации, где моральные константы формируются, отбираются и распространяются через традиции, обычаи, образы жизни и передаются от одного поколения к другому. С другой стороны, может возникать искусственным путем в виде специфических идеологем, которые внедряются различными институтами образования, воспитания, где СМИ играют особую роль в их

⁶ Ницше Ф. К генеалогии морали. Poleмическое сочинение // Избранные произведения : пер. с нем. СПб. : Азбука-классика, 2003. С. 599.

⁷ Ницше Ф. По ту сторону добра и зла. Прелюдия к философии будущего. СПб. : Азбука-классика, 2006. С. 116.

распространении, закреплении, влияя таким образом на становление определенных картин мира и мировоззрение людей в целом.

Американский антрополог К. Гирц писал, что «идеология изменяет структуру ситуации таким образом, что в этом заключено отношение вовлеченности. Ее стиль — витиеватость, живость, намеренное внушение: объективируя нравственное чувство с помощью тех самых приемов, которых избегает наука, она хочет побудить к действию. Если наука — это диагностическое, критическое измерение культуры, то идеология — измерение оправдательное, апологетическое: она относится „к той части культуры, которая устанавливает и защищает убеждения и ценности“»¹. Здесь следует добавить, что идеология способна выводить смыслы ценностных объектов из идеологических доктрин и придавать им соответствующий нравственный нарратив. Наиболее ярким примером данного нарратива может быть сконструированная в 1930-х годах министром просвещения С. С. Уваровым знаменитая триада «Православие, самодержавие, народность».

Данная идеология отражала взаимообусловленную ценностную систему объектов николаевской России. «Православие» представляло собой совокупность христианских ценностей, таких как *Бог, святость, вера, аскеза, милосердие* и т. д. Данные ценности опирались на нравственные базовые константы, изложенные Христом в Нагорной проповеди. «Самодержавие» отражало *сакральность* царской власти как главной ценности России, воплощенной в таких ценностных объектах, как *признание* этой сакральности, *почитание* царской власти и *обязательное служение ей*. «Народность» декларировалась в виде абстрактного народа как объекта *особой значимости* для царской власти и предмета *особой заботы о нем*, а также надежды власти на его *благорасположение* и *благодарность* в ответ на данную заботу.

Таким образом, нравственный нарратив ценностей формировал идеологию государства, где нарративная концепция конструировала его идеологию в виде абстрактной реальности, как некоего фантома.

Также идеология способна формировать ценностные объекты, смыслы которых опираются на государ-

ственные доктрины. Нарративная концепция советского времени была использована для создания нравственных ценностей в деле воспитания и образования «масс». Изложенные в «Моральном кодексе строителя коммунизма» основные ценности в духе марксизма-ленинизма отражали ценностные объекты в виде *преданности идеям коммунизма, любви к социалистической Родине и странам социализма, дружбы с братскими народами и солидарности с ними*, одновременно с этим *нетерпимость к врагам коммунизма*. Не был забыт в данном нарративе и сам советский человек, для которого моральный кодекс формулировал ценностные жизненные ориентации, воплощенные в *коллективизме, честном и добросовестном труде, честности и правдивости во взаимоотношениях* и т. д. Как отмечает философ Г. Б. Гутнер, «нарратив, созданный тоталитарным советским режимом, имел — и успешно решал — задачу легитимации этого режима. Все его деяния оказывались вписаны в непрерывное повествование как неизбежно принадлежащие к жизни народа»².

Сегодня проблема нравственного нарратива, по мнению К. Гирца, заключается в том, что современный мир переполнен «осознанием тупика», страданиями и ощущением «неразрешимости этического парадокса». К. Гирц констатирует, что «существуют по крайней мере три рубежа, на которых хаос — беспорядочность явлений, не только не интерпретированных, но и *не поддающихся интерпретации*, — угрожает охватить человека: границы его аналитических способностей, границы его выносимости и границы его нравственных представлений»³.

Безусловно, сегодня повышенная турбулентность, конфликтность, непредсказуемость являются не просто характерными чертами современного мира, но и специфическими барьерами на пути проектирования стратегии будущего. Выходом из существующего кризиса может быть «переоценка» морали как предпосылка для выстраивания новых конструктов взаимоотношений между всеми субъектами современного мира, где ценностные ориентации обретут морально-нравственные базовые остовы, способные не разъединять, а соединять людей.

¹ Гирц К. Интерпретация культур / пер. с англ. О. В. Барсуковой, А. А. Борзунова, Г. М. Дашевского [и др.]. М. : РОССПЭН, 2004. С. 259.

² Гутнер Г. Б. Национальный нарратив и национальная ответственность // Этическая мысль. 2017. № 17. С. 107.

³ Гирц К. Указ. соч. С. 259.